

Д. Моцок.

Горький.

Странное дело: человек с поразительной быстрой стал известен России и всему миру как художественный писатель при посредстве своих произведений, большей частью очень слабых в художественном отношении.

Поднимал и поднимает своими публицистическими статьями и заметками целые бури общественного внимания и отзывов, будучи совсем плохим публицистом.

Своими выступлениями привлекает тысячи слушателей и зрителей, хотя сам откровенно сознается, что говорить не умеет и не любит.

Наконец, играет для всей страны роль чуть ли не путеводного столба, являясь самым непоследовательным, вечно ошибающимся политиком.

Замечательно, что все эти противоречия вовсе не являются плодом общественного легкомыслия или недоразумения.

Горький на виду у всех не первый десяток лет; не один раз его развенчивали и хоронили, а он все-таки стоит попрежнему, даже тверже прежнего,—словно пускает новые корни.

Только немногие вещи Горького можно дочитать до конца с интересом; чаще книга сама валится из рук, а иногда прямо хочется швырнуть ее в стенку,—невыносимо упорная фальшь тянется без конца, как скрип дерева по стеклу; целые страницы описаний представляют собою уродливый набор ничего не рисующих, якобы «красивых» фраз, которых самое маленькое художественное чутье не подпустило бы и на пушечный выстрел и безобразия которых автор сам не чувствует.

То же бессилие справиться с формой, неумение организовать мысль в виде стройного, доказательного рисунка, портит и его публицистические статьи, делая их деревянными, тягучими, раздражающе нескладными.

По словам Чехова, Горький в своих рассказах не изображает, а проповедует, как протопоп.

А в статьях, где уж скорее всего можно было бы проповедывать, он спотыкается и колотит по столу кулаками.

Всюду сказывается громадный темперамент, не находящий прямого выхода.

То, что у других льется спокойно и плавно, у Горького выкашливается тяжело, мутно и бурно, как вода из перевернутой бутылки.

И складывается впечатление, что первородный грех Горького, которого он не в состоянии преодолеть,—это отсутствие дара выразительности.

Однако, несмотря на все недостатки, звезда Горького не закатывалась.

Сквозь полярную горечь формы, что-то из его книг забиралось в голову, трогало мысль и воображение.

Вспоминалась его могучая и гордая «Песнь о буре», действительно прекрасная вещь, лучшее из тех немногих произведений, где Горькому удавалось найти подходящие формы и слова.

Особенно же он притягивал к себе внимание тем, что после перерывов с усиленной энергией принимался как за литературную, так и за общественную деятельность.

Эти приливы активности говорили о новых, еще незамеченных глубинах его природы и заставляли возвращаться к нему для переоценки сложившегося мнения.

Среди произведений Горького за последние годы неожиданно новым светом засияли две части его автобиографии—«Детство» и «В людях».

Этими вещами Горький наконец-то оправдал внимание общества к себе.

От всей русской литературы, такой богатой и ароматной, созданной представителями дворянства и интеллигенции, веет одной неотделимой мыслью: «мы соль земли»; народная толща везде и всегда как бы сведущ и талантлив не был писатель, неизбежно описывалась, как фон, как почва, и иначе и не могла описываться, ибо писатели жили другой жизнью своего круга и на народ только смотрели со стороны.

Горький же—кровный сын народа, всю свою молодость проведший в тяжелой черной работе, испытавший на себе побои и издевательства, выпивший полную чашу невежества, дикости и пьяной тоски, в которых тонул русский пролетарий, и с другой стороны он в самом себе выростил упорное стремление к выходу из трясины и такое же стремление ощупывал и у многих своих товарищей, с которыми сводила его судьба; ни один писатель не разговаривал и не сходил с народом так, как Горький; в грязном фартуке, с заскорузлыми от работы руками, заводил он непридуманные разговоры с тысячами людей то на ступеньках у кухни, то на постройке, в кабаке, трактире, на корме парохода, на кладбище и улице, на мусорной куче или даже на крыше сарая, впитывая в себя с пеленок все проявления народной мудрости, любви и гнева, музыкального и поэтического чувства, словом жил, питался и рос исключительно содержанием народа, и поэтому от Горького во всех, даже самых плохих его произведениях, веет мыслью, которой не существует во всей прочей литературе «нет не вы, баре, а мы, народ, соль земли».

Именно это богатство, эта насыщенность Горького настоящим народным содержанием, делала его, несмотря на все грубые недостатки его произведений, делает и будет делать замечательным и единственным в своем роде писателем, а его «Детство» и в «В людях» ставит на совсем особенную, недостижимую высоту, ибо ни один писатель не знает о народе столько, сколько Горький и ни один, поэтому, не говорит о народе так, как он.

Но трагедия Горького в том, что он, настоящий сын народа, стал писателем из интеллигентских рук.

Для изложения своего богатейшего материала, Горький в самом же начале не нашел и не создал своего языка, а принялся добросовестно изучать и копировать методы и образцы интеллигентской литературы и, при том, не лучшие образцы.

Это копирование Горькому совсем не удалось и испортило вполне или отчасти длиннейший ряд его сочинений. То, что недурно и мило у Андреева, Муйжеля, Куприна, все этикие импрессионистские обороты, оригинальные сравнения, отдаленные метафоры, все это у Горького из рук вон плохо, неуклюже и не у места.

Уж если учиться подражать, то либо титанической прямоте Толстого, или грациозной простоте Чехова, но никак не копировать сложных и рискованных аллюров у импрессионистов и декадентов.

«Детство» и «В людях», хороши не только своим содержанием, но и тем, что Горький тут, углубляясь в рассказ про ту богатейшую народную жизнь, в которой он вырос, точно забывает дешевые румяна декадентской «красивости» в стороне и часто говорит простым, спокойным языком, который как нельзя больше подходит к полноводному и значительному содержанию.

В этих произведениях Горького—вся народная Россия, соль земли, начинающая сознавать свою силу, это не земляное крестьянство, доживающее свой тяжелый век в забытой деревне,— это рождающийся пролетариат, это дети деревни, покинувшие ее для смутных, но упорных исканий лучшей доли, люди богатые былинным, патриархальным, растительным духом народа, но уже из этого духа вырастающие; тут не «круглая» каратаёвщина Толстого, не гниющий заживо мужик Чехова, не «святая» теплая глупая и непо-

движная крестьянская Россия, которая загадочным сфинксом смотрит на нас со страниц всей догорьковской литературы, нет,—тут Россия, уже двинувшаяся вперед, Россия уже начавшая сознать, проклиная свою «святую» грязь и нищету, упорно выгибающаяся кверху, это народная Русь, выплывшая из крепостного рабства и отстрадающая свои собственные мозги, глаза и уши на своем громадном, изуродованном болячками и до тех пор безголовом теле.

Горький родной сын, пророк и олицетворение этой новой, грядущей России. Все достоинства и даже недостатки Горького приобретают на этом фоне особый смысл; все в нем характерно.

Его шатания, его подражание интеллигенции, ломающийся фальшивый язык его литературы, резкие неуклюжие движения говорят о молодости, о сотнях первых неудачных попыток по новому организовывать и выражать свои мысли, словом о той болезни быстрого роста, которой болеет, должна переболеть нарождающаяся российская демократия, всего полвека тому назад разломавшая крепостническую скорлупу.

С другой стороны ненасытно упорная общественная деятельность Горького, разнообразная и непрерывная, несмотря ни на какие неудачи, неумение и противодействие, эта работа точно в капле воды отражает в себе гигантское всеоключающее упорство молодой Руси, которая опрокидывая, борясь, разрушая, спотыкаясь, участь и переучиваясь на каждом промахе, совершенствуясь на каждой ошибке, не падая духом от неудач, не ударяясь в беспечность от успехов, противопоставляя новой тяжести новое напряжение сил, шагает семимильными шагами к осуществлению новой жизни.

Д. Моцок.

